

Цинь Сун резко прекратил борьбу, изо всех сил стараясь контролировать себя, чтобы не задушить эту женщину. Костяшки его кулаков хрустели от напряжения.

Му Чэнь и Му Ин застыли, глядя на мальчика на экране, чьё лицо было мертвенно спокойным. Они выросли вместе с Му Цзэ, и хотя между ними не было особенного общения, они всё же помнили, как выглядел их младший брат. Лицо Му Ханя заледенело, он резко схватил Фан Ваньжун за шею и притянул к себе.

— Что ты натворила?! — слова, вырывающиеся сквозь стиснутые зубы, заставили тело Фан Ваньжун содрогнуться.

[Ц-ц, какая проблема.] Женщина на экране ловко достала различные препараты и быстро обработала раны на теле мальчика, затем надела на него новую одежду. Фан Ваньжун взяла шприц и, используя длинную иглу, резко вонзила его в тело мальчика. Все присутствующие ахнули, тело мальчика дёрнулось, и он, дрожа, открыл глаза.

[Не притворяйся мёртвым.] Фан Ваньжун холодно усмехнулась, присев на корточки. [Умойся, хорошо выспись и не болтай лишнего. Ты же знаешь, что тебе никто не поверит.]

Чёрные глаза мальчика, пустые и безжизненные, смотрели с его бледного, как бумага, лица. Услышав это, он, с трудом опираясь на стену, встал и с растерянностью посмотрел на Фан Ваньжун, которая приводила себя в порядок. Его губы шевельнулись:

— Почему... Почему я?

Фан Ваньжун резко остановилась, широко шагнула к нему и с силой сжала его подбородок.

[Почему?!] Она вышла за пределы камеры и швырнула перед мальчиком мольберт, затем снова появилась на экране. [Кого ты рисуешь?! Ах, всё ещё думаешь о той стерве, да? Я — хозяйка семьи Му, ты, дурак, вообще это понимаешь?!]

Зрачки мальчика резко сузились. Линии на мольберте были ещё немного неумелыми, но в них чувствовалась нежность и забота изображённой женщины.

[Не смей больше её рисовать! Не смей рисовать ту, чьи кости уже превратились в прах!] — Фан Ваньжун яростно закричала, затем её лицо исказил злобный оскал. [Иначе я сломаю тебе руки, и ты больше никогда не сможешь рисовать. Нет, это слишком легко.] Она нежно закрутила прядь волос. [Я приказываю тебе больше никогда не рисовать, иначе я сломаю тебе все конечности, и ты навсегда останешься калекой.]

Губы мальчика посинели, он дрожал, его взгляд от боли и шока уже начал расфокусироваться. Он обхватил себя руками и с трудом произнёс:

— Я расскажу отцу. Мои раны — это доказательство. Они мне поверят.

[Ты ждёшь, когда они вернутся?] — Фан Ваньжун усмехнулась. [Бедняжка, как долго ты будешь ждать? Полмесяца? Месяц? Твой отец вернётся только через три месяца. Ох, ты хочешь обратиться к брату и сестре.] Она рассмеялась ещё громче. [Ты забыл, что они живут в университете и вернутся только через семестр. С моими медицинскими навыками твои раны уже заживут. Что ты скажешь? Кому они поверят?]

[Хочешь рассказать кому-то? Знаешь, я не позволю тебе видеться с другими, пока ты не заживёшь. Кто тебе поверит? Мальчик, который целыми днями сидит в своей комнате и

скучает по своей матери, молчаливый, подавленный, упрямый и отвратительный. Все подумают, что ты просто хочешь избавиться от меня, своей мачехи, и оклеветать меня.]

Мальчик в отчаянии зажмурился. Фан Ваньжун грубо нанесла мазь на его подбородок, где остался синяк от её хватки.

[Бедняжка, залечи свои раны. Завтра я сообщу в школу, что ты болен.] Она похлопала его по подбородку, и на экране появилась та же самая жалостливая улыбка, что и на предыдущих кадрах. В глазах гостей на банкете это выглядело крайне цинично.

Му Ханю с трудом удавалось сдержаться, чтобы не задушить эту женщину. Он не считал себя любящим отцом, так как мало времени проводил с ребёнком. Он не любил Му Цзэ, потому что тот напоминал ему о единственной женщине, которую он любил и потерял, а также из-за слишком молчаливого и мягкого характера Му Цзэ. Но он считал, что дал ребёнку достаточно свободы и обеспеченную жизнь.

Он никогда не думал, что его ребёнок жил в таких условиях прямо у него под носом. Он и Му Чэнь всегда считали, что неприятие Му Цзэ мачехой было незрелым и упрямым поведением... Кто бы мог подумать, что правда окажется настолько жестокой.

В тёмной ночи на банкете, который должен был быть шумным и ярким, воцарилась тишина. Холод, исходивший от Му Ханя, почти заморозил Фан Ваньжун, не говоря уже о руке, сжимавшей её шею, на которой вздулись вены.

Му Чэнь стоял на месте, бокал в его руке уже был раздавлен. Он смутно вспомнил, как в детстве решил стать хорошим братом и заботиться о младшем брате. Однако, с тех пор как он поступил в университет и поселился в общежитии, он почти не общался с братом, особенно после того, как начал работать в компании Му. Он был амбициозен, постоянно вращался в мире деловых интересов.

Он, конечно, тоже скучал по своей нежной матери, но союз с семьёй Фан был выгоден для семьи Му, и поведение Фан Ваньжун показывало, что она станет хорошей женой и матерью. Он и его отец были слишком самоуверенны, считая, что Фан Ваньжун будет верна семье Му и позаботится о Му Цзэ. Они забыли, что человеческие сердца непредсказуемы, и нельзя доверять своим близким другим. Му Чэнь вспомнил, как, возвращаясь домой, Му Цзэ всегда задерживался рядом с ним и отцом, но, не успев ничего сказать, его отвлекали и уводили.

Если бы в тот момент он проявил немного больше терпения, хотя бы на десять минут, смог бы он спасти своего брата из ада?

Закрыв лицо рукой, Му Чэнь тяжело дышал, погружаясь в огромное чувство вины и раскаяния.

Рядом Му Ин дрожала, не в силах стоять, и только поддержка друзей не давала ей упасть.

Хладнокровно наблюдая за реакцией семьи Му, Му Цзэ медленно вышел из угла.

Му Ин задрожала губами, выпрямилась и тихо сказала:

— Сяо Цзэ...

Взгляд всех присутствующих устремился на юношу, который медленно вышел. Его красивое лицо, стройное тело, бледные щёки и слегка посиневшие губы под светом ламп выглядели ещё более контрастно. На лице этого юноши, перенёсшего столько страданий, не было ни злобы, ни

обиды. Его чёрные глаза были полны лишь равнодушия и мёртвой покорности.

Му Цзэ проигнорировал призыв Му Ин и не обратил внимания на полные боли и раскаяния взгляды Му Ханя и Му Чэня. Он лишь холодно посмотрел на опозоренную Фан Ваньжун.

— Госпожа Му, вам понравился этот подарок на день рождения?

Му Хань медленно опустил руку, и Фан Ваньжун закашлялась, её белая шея с синяками выглядела ужасающе, но ни у кого не возникло жалости. Эта женщина больше не заслуживала того, чтобы называться человеком.

Её глаза были полны страха, и в них не осталось и следа той жестокости, что была на экране. Глядя на Му Цзэ, она вдруг не выдержала и закричала:

— Ты смог получить эти видео? Как ты посмел...

— Почему бы и нет? — Му Цзэ холодно наклонился, глядя на женщину, сидящую на полу. — Я больше не боюсь тебя, потому что мне уже нечего терять. Родные, жизнь — что они значат? Я хочу только твоего вечного проклятия!! — Произнося последние слова, он почувствовал, как ненависть, отчаяние и боль снова вскипели в нём. Его взгляд скользнул на мужчину, которого он когда-то уважал.

— Отец, я только хочу спросить, — юноша выпрямился, его пустой взгляд был устремлён на Му Ханя. — Было ли у тебя хоть раз, хоть единожды, мысли о том, как твой ребёнок живёт дома? Глядя на боль, словно от удара ножом, на лице Му Ханя, он продолжил:

— Подумал ли ты, хорошо ли он сегодня поел, тепло ли одет, не мучают ли его до смерти, не хотел ли он бесчисленное количество раз покончить с собой? — Сделав глубокий вдох, он вспомнил, как юноша лежал в ванной, полный грусти и отчаяния. Глаза Му Цзэ почти налились кровью. — Не находился ли он в аду, с сердцем, обращённым в пепел...

Фигура внезапно появилась рядом с Му Цзэ и крепко обняла его. Цинь Сун дрожал, прижимая юношу к груди, целуя его холодную щеку, его сердце разрывалось от боли.

Му Хань за мгновение словно постарел, с болью закрыв глаза.

— Прости... дитя.

— Сяо Цзэ... — Му Чэнь дрожащим голосом начал. — Я...

<http://bllate.org/book/16578/1514625>